

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (68)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников
Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (68)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Проконова М.М. *, Матвеева Н.П.

Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
E-mail: m.m.prokonova@utmn.ru (Проконова М.М.); nataliamatveeva1703@yandex.ru (Матвеева Н.П.)

О ЛОКАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОСЕЛЕНИЙ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИТОБОЛЬЕ (ПО КЕРАМИЧЕСКОМУ КОМПЛЕКСУ РАФАЙЛОВСКОГО СЕЛИЩА)

Статья посвящена проблеме выделения локальных вариантов саргатской культуры раннего железного века западносибирской лесостепи. Обсуждаются региональные отличия памятников саргатской культуры по данным керамических комплексов. Статистический анализ керамической коллекции Рафайловского селища был проведен с учетом распределения керамики по строительным горизонтам и датированным объектам. Этот материал сопоставлен с коллекциями других поселений Притоболья, в том числе Павлинова городища. Выявлено, что в наборе форм, технических приемов и орнаментах керамики саргатской культуры Притоболья наблюдается следование общему саргатскому стандарту. Хронологические изменения прослежены в технике и мотивах декорирования. Удалось проследить некоторые локальные особенности. В формах — это низкая доля приземистых и плоскодонных сосудов, отсутствие глиняных блюд. Ведущей техникой на этой территории является резная. Преобладали устойчивые элементы саргатской орнаментики: пояса наклонных линий, горизонтальная и вертикальная елочка, вертикальные зигзаги, защипы и разнообразные фестоны. Посуда восточного ареала отличается резными узорами, при этом на раннем этапе в орнаментации сосудов фиксируются чуждые керамике других районов «жемчужины», возможно восходящие к позднеирменской традиции, а в поздних памятниках увеличивается доля сосудов с ямочными и накольчатыми узорами, возможно, богочановского происхождения. Однако в орнаментации посуды притобольских коллективов накольчатые узоры редки, но присутствуют вертикальная елочка и вертикальные зигзаги, бордюры, что можно объяснить самостоятельной тенденцией в декоре на западе ареала в несколько более позднее время. Существенным представляется объем заимствований гончарами у западных и северных соседей. У притобольского населения зафиксированы более обустроенные для оседлости дома, а также более сложная погребальная и оборонительная архитектура, что может говорить об иной этнической среде и отличиях образа жизни. Дальнейшее сравнение опорных памятников саргатской культуры следует проводить с учетом хронологии могильников и поселений, что позволит уточнить характер и динамику взаимодействия разнокультурного населения раннего железного века в пределах как одного поселения, так и отдельных районов саргатского ареала.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Притоболье, ранний железный век, саргатская культура, локальные особенности, керамика.

Ссылка на публикацию: Проконова М.М., Матвеева Н.П. О локальных особенностях поселений саргатской культуры в Притоболье (по керамическому комплексу Рафайловского селища) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 1. С. 50–65. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-68-1-4>

Введение

История изучения саргатской культуры раннего железного века западносибирской лесостепи составляет почти столетие, если отталкиваться от первых профессиональных раскопок, проведенных П.А. Дмитриевым и В.П. Левашовой в 1920-е годы. Благодаря этим работам в научный оборот были введены эталонные комплексы курганных погребений и инвентаря. За период исследований были достигнуты значительные успехи в понимании хронологии, характеристик и особенностей саргатской культуры [Могильников, 1972; Стоянов, 1970; Полосьмак, 1987; Корякова, 1988], а также ее места в системе культур степной Евразии [Корякова, 1991; Могильников, 1992; Корякова и др., 1997]. Немало внимания уделялось реконструкции экономики [Корякова, Сергеев, 1989; Матвеева, 1997, 2000], обрядности [Корякова, 1977; Матвеева, 2019] и социальной структуры [Матвеева, 2000]. Было предложено успешное решение таких частных проблем, как организация военного дела, жилой среды и условий быта, демографические параметры, взаимодействие с соседними обществами и др. При этом вопрос о количестве и культурных отличиях локальных вариантов саргатской культуры, поставленный в свое время Л.Н. Коряко-

* Corresponding author.

вой [1988, с. 33–34], остается нерешенным в силу ярко выраженной территориальной неравномерности обеспечения источниками.

Географические группы памятников саргатской культуры первоначально были намечены по бассейнам крупных рек: Тобола, Ишима и Иртыша с восточными притоками в Барабе. Затем Л.Н. Корякова на основании картографирования городищ сформулировала идею о существовании не менее 11 племенных группировок, ядрами расселения которых они являлись [1988, с. 34]. Эти гипотезы были детально проверены Н.П. Матвеевой путем картографирования памятников по значительно большей базе данных, а также с использованием дескриптивного и кластерного анализов могильников и погребений [Матвеева, 2000]. Однако к статистически значимым характеристикам локальных районов таким способом прийти не удалось ввиду обнаружения существенной культурной и социальной динамики, на установление которой и была направлена отдельная работа [Матвеева, 2000]. Вместе с тем явные отличия в керамических традициях, домостроительстве, погребальных конструкциях некрополей, ритуальных практиках, а также в антропологическом облике популяций заставляют рассматривать вопрос о локальных вариантах саргатской культуры как весьма актуальный.

Керамика неоднократно становилась объектом специального изучения как в общей саргатской выборке [Кобелева, 2009а], так и в выборках по отдельным памятникам [Чикунова, 2001; Пантелеева, 2007; Шарапова, 2000, 2004]. Первоначально считалось, что специфика притобольских керамических серий состоит в заимствовании традиций соседнего населения гороховской и кашинской культур: в незначительной примеси талька в тесте, вытянуто-яйцевидных формах горшков, бордюрных композициях из елочек и столбиков параллельных отрезков на шейках, во введении шнура и крупной гребенки в технику орнаментации [Матвеева, 1993b, с. 157]. Но с утверждением положения о существовании самостоятельной кашинской культуры с характерными для ее керамики резным, гребенчатым и шнуровым способами декорирования [Матвеева, 1994, с. 140; Чикунова, 2006; Юдакова, 2019, с. 153–155] возникла острая необходимость в разграничении гончарных традиций разных культур.

Целью настоящего исследования является установление локальных особенностей посуды саргатской культуры Притоболья по материалам опорных поселений. Для решения поставленного вопроса необходимо проследить динамику керамической традиции, опираясь на датированные объекты, отобрав для этого сосуды из их первичного заполнения на Рафайловском селище. Другой задачей является сравнение материала с керамической коллекцией Павлинова городища — монографически изученного синхронного памятника [Корякова, 2009], находящегося примерно в 100 км западнее, что позволит определить общее и особенное в притобольских поселенческих коллекциях и сопоставить их с другими локальными выборками.

Источники и методы

Рафайловский археологический комплекс, состоящий из двухплощадочного городища, селища у его стен, хутора в пойме на расстоянии 300 м (Рафайловский остров) и могильника, находится в Исетском районе Тюменской области на правом берегу р. Исети в 9 км к западу от с. Рафайлово. Общая площадь городища и селища составляет 60 тыс. м², из которых раскопками исследовано около 3 тыс. м². В результате работ 1983—1987 гг. и 2002 г. под руководством Н.П. Матвеевой изучено 23 жилища, 8 хозяйственных построек, оборонительные сооружения обеих площадок и один курган, а А.В. Матвеевым — одно жилище на хуторе [Матвеева, 1993а, 1993b; Матвеева и др., 2005].

Находки датированных предметов позволили отнести существование Рафайловского комплекса к V–III вв. до н.э. [Матвеева, 1993а, с. 161], а результаты радиоуглеродного датирования указали на продолжение использования фортификаций на городище вплоть до III–IV вв. н.э. (СОАН-4934, 3531) [Матвеева и др., 2005, с. 91].

Источниковой базой настоящего исследования послужила керамическая коллекция саргатской культуры из раскопок в неукрепленной части объекта. В результате исследования взаимного перекрытия сооружений, особенностей стратиграфии и планиграфических наблюдений все постройки на селище были отнесены к трем строительным горизонтам [Матвеева, 1993а, с. 151], а синхронность отдельных жилищ была подтверждена результатами анализа распределения керамики по методу связей [Чикунова, 1999].

К первому строительному горизонту относятся самые ранние жилища 2 и 13, перекрытые более поздними объектами, а также синхронные им жилища 9 и 10, над которыми в IV в. до н.э.,

после прекращения функционирования участка селища, был сооружен курган саргатской культуры [Матвеева, 2019, с. 30–32]. Второй строительный горизонт включает объекты, перекрывавшие жилища предыдущего этапа: жилища 1, 3, 5, 6, 8, 11 и 12, а также сооружение 4. Жилище 12, согласно результатам радиоуглеродного датирования (СОАН-3536), относится к 550–360 гг. до н.э. [Матвеева и др., 2005, табл. 8]. К третьему строительному горизонту принадлежат жилища 4, 7 и 14, а также хозяйственные сооружения 1, 2, 3, 5 и 6. При этом сооружение 1, разрушенное пожаром, является самой поздней постройкой на селище, о чем говорит перекрытие золой всех слоев в западной части раскопа на селище. Радиоуглеродный анализ древесины из этой постройки дал дату 410–210 гг. до н.э. (СОАН-3532).

Керамический комплекс Рафайловского городища и селища довольно велик и включает более 20 000 фрагментов не менее чем 1000 сосудов саргатской, гороховской, кашинской и баитовской культур, в том числе 58 целых сосудов и развалов [Матвеева, 1993а, с. 159]. Ввиду фрагментарности посуды, а также неполных сведений о ней в сохранившихся описях за 1983–1987 гг. для анализа из общей массы керамики отбирались крупные фрагменты горловин сосудов, информация о залегании которых в культурном слое имеется в документации. Следует отметить, что находки из межжилищного пространства во внимание не принимались, так как были сочтены с высокой долей вероятности относящимися к разным периодам обитания. Находки из 1 горизонта залегания (сразу под дерном) при хронологическом анализе учитывались вместе с керамикой 3 строительного горизонта, а, во избежание включения переотложенных черепков, относящихся к ранним периодам обитания, отбирались лишь крупные экземпляры (размером более 10 см).

Керамика саргатской культуры в разном количестве была обнаружена во всех объектах застройки Рафайловского селища (рис. 1–3). Всего подготовленная нами выборка посуды саргатской культуры включает 248 сосудов. Из остатков застройки поселения первого этапа керамика саргатской культуры встречается в заполнении жилища 2 в количестве 14 сосудов (6 %). Ко второму эпизоду обитания на поселении относится 112 сосудов (45 %) из следующих построек: жилища 1, 3, 5, 6 и 8, сооружение 3. В наиболее поздних объектах, третьего этапа обитания, зафиксировано 122 сосуда (49 %) из жилищ 4 и 7, а также сооружений 1, 5 и 6.

Исследование включало анализ форм и орнаментики, на основе данных о которых были сформированы таблицы с характеристикой керамической коллекции (табл. 1, 2, 3). Морфологический анализ посуды был проведен с опорой на классификационную схему, разработанную Л.Н. Коряковой для исследования керамики саргатской культуры [1983; 1988, с. 92–95]. Состав формовочных масс определялся визуально по излому венчика.

Анализ данных

Для исследуемой выборки характерны сосуды с дуговидной (67,3 %), отогнутой наружу (73,8 %) шейкой. Венчик чаще всего округлый (54 %) или плоский (33,1 %), реже фиксируется заостренная форма (12,9 %). Большинство венчиков характеризуются прямым положением (67,3 %) (табл. 1). Средний диаметр сосудов по венчику — 21 см; по шейке — 19,6 см; по плечу — 23,5 см. Средняя высота шейки — 2,9 см, плеча — 4 см. Средняя толщина венчика — 0,5 см; шейки — 0,7 см; плеча — 0,6 см (табл. 2).

Опираясь на методику, примененную Л.Н. Коряковой для исследования керамики саргатской культуры [1983; 1988, с. 92–95], мы провели расчеты для установления ширины горла (по формуле $x = d_1 / d$, где d — наибольший диаметр тулова; d_1 — диаметр венчика) и выпуклости тулова (по формуле $x = (d - d_2) / 2h_2$, где d — наибольший диаметр тулова, d_2 — диаметр шейки, h_2 — высота плечика). Ввиду фрагментированности сосудов и невозможности вычисления такого важного параметра, как общая высота сосуда, ряд пропорций остался не определен (форма тулова, относительная высота плеча и шейки). Данные расчеты выполнялись на основании выборки из 55 сосудов с сохранившимся плечом. Так, было выявлено, что для сосудов характерно сильновыпуклое (50 %) и слабовыпуклое (41,7 %) тулово, средневыпуклое мало представлено в анализируемой выборке (8,3 %). Все сосуды, за исключением одного экземпляра, характеризуются наличием широкого горла (97,4 %) (табл. 1). На основании диаметра горловины можно выделить сосуды следующих размеров: очень маленькие, диаметром до 9 см (4,2 %); малые, диаметром 10–15 см (25 %); средние, диаметром 16–21 см (25 %); условно большие, диаметром 22–27 см (29,2 %); условно очень большие, диаметром 28–49 см (16,6 %). По особенностям профилировки отмечаются три основных типа сосудов: с дуговидной, отогнутой наружу шейкой и резким переходом к плечикам; с прямой шейкой и резким переходом к плечикам; со слабопрофилированной дуговидной шейкой и плавным переходом к плечикам.

Характеристика коллекции керамики Рафайловского селища

Table 1

Characteristics of the Rafailovo settlement pottery

Показатель	1 горизонт (14 экз.)		2 горизонт (112 экз.)		3 горизонт (122 экз.)		Общее (248 экз.)	
	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%
	Форма венчика							
Округлый	5	35,7	58	51,8	71	58,2	134	54
Заостренный	2	14,3	15	13,4	15	12,3	32	12,9
Плоский	7	50	39	34,8	36	29,5	82	33,1
Всего	14	100	112	100	122	100	248	100
Положение венчика								
Прямое	9	64,3	82	73,2	76	62,3	167	67,3
Отогнутое	5	35,7	30	26,8	46	37,7	81	32,7
Всего	14	100	112	100	122	100	248	100
Форма шейки								
Прямая	2	14,3	43	38,4	36	29,5	81	32,7
Дуговидная	12	85,7	69	61,6	86	70,5	167	67,3
Всего	14	100	112	100	122	100	248	100
Отогнутость шейки								
Прямая	1	7,14	37	33	27	22,1	65	26,2
Слегка отогнутая	2	14,3	8	7,1	11	9	21	8,5
Средне отогнутая	2	14,3	28	25	37	30,3	67	27
Сильно отогнутая	9	64,3	39	34,8	47	38,5	95	38,3
Всего	14	100	112	100	122	100	248	100
Диаметр по венчику								
Очень малый (до 9 см)	1	7,1	5	4,5	5	4,1	11	4,4
Малый (10–15 см)	3	21,4	32	28,6	10	8,2	45	18,1
Средний (16–21 см)	6	42,9	24	21,4	41	33,6	71	28,6
Большой (22–27 см)	4	28,6	30	26,8	46	37,7	80	32,3
Очень большой (28–49 см)	0	0	21	18,8	20	16,4	41	16,5
Всего	14	100	112	100	122	100	248	100
Диаметр по шейке								
Очень малый (до 9 см)	1	7,14	15	13,4	5	4,1	21	8,5
Малый (10–15 см)	4	28,6	27	24,1	15	12,3	46	18,5
Средний (16–21 см)	5	35,7	26	23,2	56	45,9	87	35,1
Большой (22–27 см)	4	28,6	25	22,3	36	29,5	65	26,2
Очень большой (28–49 см)	0	0	19	17	10	8,2	29	11,7
Всего	14	100	112	100	122	100	248	100
Диаметр по плечу								
Очень малый (до 9 см)	1	20	2	5	1	10	4	7,3
Малый (10–15 см)	0	0	7	17,5	0	0	7	12,7
Средний (16–21 см)	1	20	6	15	3	30	10	18,2
Большой (22–29 см)	3	60	17	42,5	4	40	24	43,6
Очень большой (30–44 см)	0	0	8	20	2	20	10	18,2
Всего	5	100	40	100	10	100	55	100
Пропорции тулова								
Тулово слабовыпуклое ($X < 0,44$)	1	100	8	44,4	1	20	10	41,7
Тулово средневypкyлое ($0,45 < X < 0,54$)	0	0	2	11,2	0	0	2	8,3
Тулово сильновыпуклое ($X > 0,55$)	0	0	8	44,4	4	80	12	50
Всего	1	100	18	100	5	100	24	100
Пропорции горла								
Горло широкое ($X > 0,70$)	0	0	28	96,6	10	100	38	97,4
Горло узкое ($X < 0,69$)	0	0	1	3,4	0	0	1	2,6
Всего	0	0	29	100	10	100	39	100

Исходя из морфологических характеристик можно выделить несколько групп посуды: крупные яйцевидные сосуды с широкой горловиной, вероятно использовавшиеся в качестве тарных и кухонных; а также сосуды средних и мелких размеров предположительно с шаровидным туловом, которые могли выполнять роль столовой посуды. Данные наблюдения соответствуют выводам, сделанным И.Ю. Чикуновой на основании анализа морфологических особенностей другой выборки керамики саргатской культуры с Рафайловского селища [2001, с. 78–83]. Это свидетельствует об однородности керамической коллекции в целом, что, вероятно, обусловлено наличием определенных стандартов при производстве посуды в пределах одного поселения.

**Характеристика керамики Рафайловского селища
по диаметру, высоте и толщине
составных частей сосудов**

Table 2

Characteristics of the Rafailovo settlement pottery in terms of diameter, height and thickness
of the constituent parts of the vessels

Показатель	1 горизонт	2 горизонт	3 горизонт	Общее
Средний диаметр по венчику (см)	18,5	20,9	22,6	21
Средний диаметр по шейке (см)	16,7	19,6	21	19,6
Средний диаметр по плечу (см)	20,6	23,8	23,7	23,5
Средняя высота по шейке (см)	2,2	3	2,9	2,9
Средняя высота по плечу (см)	3,6	4,2	3,6	4
Средняя толщина венчика (см)	0,5	0,5	0,4	0,5
Средняя толщина шейки (см)	0,7	0,7	0,7	0,7
Средняя толщина плеча (см)	0,5	0,6	0,5	0,6

Посуду изготавливали вручную способом спирально-ленточного налепа. Обжиг ее ровный, цвет черепков, как правило, коричневый. В 37,3 % сосудов из общей выборки зафиксирована небольшая примесь талька. Поверхность черепков на ощупь шероховатая, причем снаружи ее обрабатывали щепой, гребенкой или мягким материалом (кожа, ткань и т.п.), только у 30 % сосудов она тщательно заглажена. Технологические характеристики нашей выборки не отличаются от установленных ранее. Проведенный В.А. Борисовым анализ технологических особенностей посуды Рафайловского селища показал, что для изготовления емкостей использовалось естественно запесоченное, хорошо ожелезненное, тонкодисперсное глинистое сырье с мелкодисперсным песком (0,05–0,3 мм в количестве 0,5–2 %), большинство сосудов обжигалось в окислительной среде при свободном доступе атмосферного кислорода, а треть сосудов — в восстановительной среде без доступа кислорода [Борисов и др., 2004, с. 193–194].

По виду использовавшегося инструмента в исследуемой выборке выделяется пять основных технических приемов орнаментации: резной (I), прочерченный (II), гладкий штамп (III), ногтевые вдавления (IV) и защипы (V). Орнамент представлен следующими элементами: однонаправленные наклонные линии (1), елочка горизонтальная (2), елочка вертикальная (3), зигзаг горизонтальный (4), зигзаг вертикальный (5), зигзаг горизонтальный из сдвоенных (строенных) наклонных линий (6), прямая горизонтальная линия (7), фестоны (8), уголкового штампа (9), защипы (10), ногтевые вдавления (11) (табл. 3).

Большая часть сосудов орнаментирована (73,8 %), доля сосудов без орнаментации значительно меньше (26,2 %). Декор распределялся как по отдельным зонам — шейка (30,1 %), переходная зона от шейки к плечу (20,2 %), плечо (21,3 %) или венчик (7,1 %), так и по нескольким областям — венчик и шейка (12 %), венчик и переходная зона (3,3 %), шейка, переходная зона и плечо (3,8 %), венчик и плечо (1,1 %), шейка и переходная зона (1,1 %).

В декоре венчика преобладает резная техника (16,9 %) и только в двух случаях встречается прочерченная (0,8 %), доля неорнаментированных венчиков составляет 82,3 %. Для данной зоны характерен декор в виде однонаправленных наклонных и вертикальных линий (100 %), которые располагались по внешнему (38,6 %), внутреннему (27,3 %) краям венчика, а также по срезу (34,1 %).

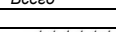

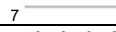
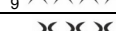

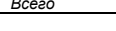

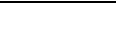

Декор на шейке в подавляющем большинстве случаев выполнен в резной технике (29 %), гораздо реже встречается прочерченная (2,8 %) и ногтевые вдавления (1,6 %), при этом большинство шеек (66,5 %) не орнаментированы. Орнамент представлен следующими элементами узора: вертикальная и горизонтальная елочка (30 и 23,8 %), зигзаг горизонтальный из сдвоенных (строенных) наклонных линий (20 %), зигзаг вертикальный (11,3 %) и горизонтальный (2,5 %), однонаправленные наклонные линии (7,5 %), а также ногтевые вдавления (5 %).

Переходная зона в основном украшена защипами (11,3 %) и резными элементами (4,8 %), реже встречаются ногтевые вдавления (1,6 %), гладкий штамп (1,2 %) и прочерченный узор (0,4 %), при этом у 80,6 % сосудов отсутствует орнамент в этой области. Орнамент представлен поясом защипов (62,2 %), ногтевых вдавлений (8,9 %) или оттисков уголкового штампа (6,7 %), однонаправленными наклонными линиями (6,7 %), горизонтальной елочкой (4,4 %), горизонтальным и вертикальным зигзагом (4,4 и 2,2%), а также прямыми горизонтальными линиями (4,4 %).

Характеристика орнаментации керамики Рафайловского селища

Table 3

Characteristics of the ornamentation of the Rafailovo settlement pottery

Показатель	1 горизонт (14 экз.)		2 горизонт (112 экз.)		3 горизонт (122 экз.)		Общее (248 экз.)	
	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%
Зона орнаментации								
Венчик	2	16,7	5	5,1	6	6,5	13	7,1
Венчик + шейка	1	8,3	16	16,2	5	5,4	22	12
Венчик + переходная зона	2	16,7	4	4	0	0	6	3,2
Венчик + плечо	0	0	2	2	0	0	2	1,1
Шейка	1	8,3	21	36,3	33	35	55	30,1
Переходная зона	5	41,7	18	18,2	14	15	37	20,2
Плечо	1	8,3	9	15,2	29	31	39	21,3
Шейка + переходная зона	0	0	0	0	2	2,2	2	1,1
Шейка + переходная зона + плечо	0	0	3	3	4	4,3	7	3,8
Всего	12	100	78	100	93	100	183	100
Техника нанесения орнамента по венчику								
I (резная)	5	35,7	26	23,2	11	9	42	16,9
II (прочерченная)	0	0	2	1,8	0	0	2	0,8
н/о	9	64,3	84	75	111	91	204	82,3
Всего	14	100	112	100	122	100	248	100
Техника нанесения орнамента по шейке								
I (резная)	2	14,3	32	28,6	38	31,1	72	29
II (прочерченная)	0	0	5	4,5	2	1,6	7	2,8
IV (ногтевые вдавления)	0	0	2	1,8	2	1,6	4	1,6
н/о	12	85,7	73	65,2	80	65,6	165	66,5
Всего	14	100	112	100	122	100	248	100
Техника нанесения орнамента в переходной зоне								
I (резная)	2	14,3	6	5,4	4	3,3	12	4,8
II (прочерченная)	0	0	1	0,9	0	0	1	0,4
III (гладкий штамп)	0	0	2	1,8	1	0,8	3	1,2
IV (ногтевые вдавления)	1	7,1	2	1,8	1	0,8	4	1,6
V (защипы)	4	28,6	9	8,04	15	12,3	28	11,3
н/о	7	50	92	82,1	101	82,8	200	80,6
Всего	14	100	112	100	122	100	248	100
Техника нанесения орнамента по плечу								
I (резная)	1	16,7	9	42,9	23	82,1	33	60
II (прочерченная)	0	0	6	28,6	0	0	6	10,9
III (гладкий штамп)	0	0	2	9,5	3	10,7	5	9,1
V (защипы)	0	0	1	4,8	0	0	1	1,8
н/о	5	83,3	3	14,3	2	7,1	10	18,2
Всего	6	100	21	100	28	100	55	100
Элементы узора по внешнему краю венчика								
1 	0	0	12	42,9	5	45	17	38,6
Элементы узора по внутреннему краю венчика								
1 	2	40	6	21,4	4	36	12	27,3
Элементы узора по срезу венчика								
1 	3	60	10	35,7	2	18	15	34,1
Всего	5	100	28	100	11	100	44	100
Элементы узора по шейке								
1 	1	50	1	2,7	4	9,8	6	7,5
2 	0	0	10	27,1	9	22	19	23,8
3 	0	0	8	21,6	16	39	24	30
4 	0	0	2	5,4	0	0	2	2,5
5 	0	0	6	16,2	3	7,3	9	11,3
6 	1	50	8	21,6	7	17	16	20
11 	0	0	2	5,4	2	4,9	4	5
Всего	2	100	37	100	41	100	80	100
Элементы узора в переходной зоне от шейки к плечу								
1 	1	14,3	1	5,6	1	5	3	6,7
2 	0	0	1	5,6	1	5	2	4,4
4 	1	14,3	0	0	1	5	2	4,4
5 	0	0	1	5,6	0	0	1	2,2
7 	0	0	2	11,1	0	0	2	4,4
9 	0	0	2	11,1	1	5	3	6,7
10 	4	57,1	9	50	15	75	28	62,2
11 	1	14,3	2	11,1	1	5	4	8,9
Всего	7	100	18	100	20	100	45	100
Элементы узора по плечу								
1 	0	0	1	6,3	3	12	4	9,5
2 	1	100	1	6,3	6	24	8	19
3 	0	0	1	6,3	0	0	1	2,4

Показатель	1 горизонт (14 экз.)		2 горизонт (112 экз.)		3 горизонт (122 экз.)		Общее (248 экз.)	
	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%
4 	0	0	1	6,3	0	0	1	2,4
6 	0	0	1	6,3	2	8	3	7,1
8 	0	0	8	50	11	44	19	45,2
9 	0	0	2	12,2	3	12	5	11,9
10 	0	0	1	6,3	0	0	1	2,4
<i>Всего</i>	<i>1</i>	<i>100</i>	<i>16</i>	<i>100</i>	<i>25</i>	<i>100</i>	<i>42</i>	<i>100</i>
<i>Элементы узора по шейке, переходной зоне и плечу</i>								
5 	0	0	2	100	4	100	6	100
<i>Всего</i>	<i>0</i>	<i>0</i>	<i>2</i>	<i>100</i>	<i>4</i>	<i>100</i>	<i>6</i>	<i>100</i>

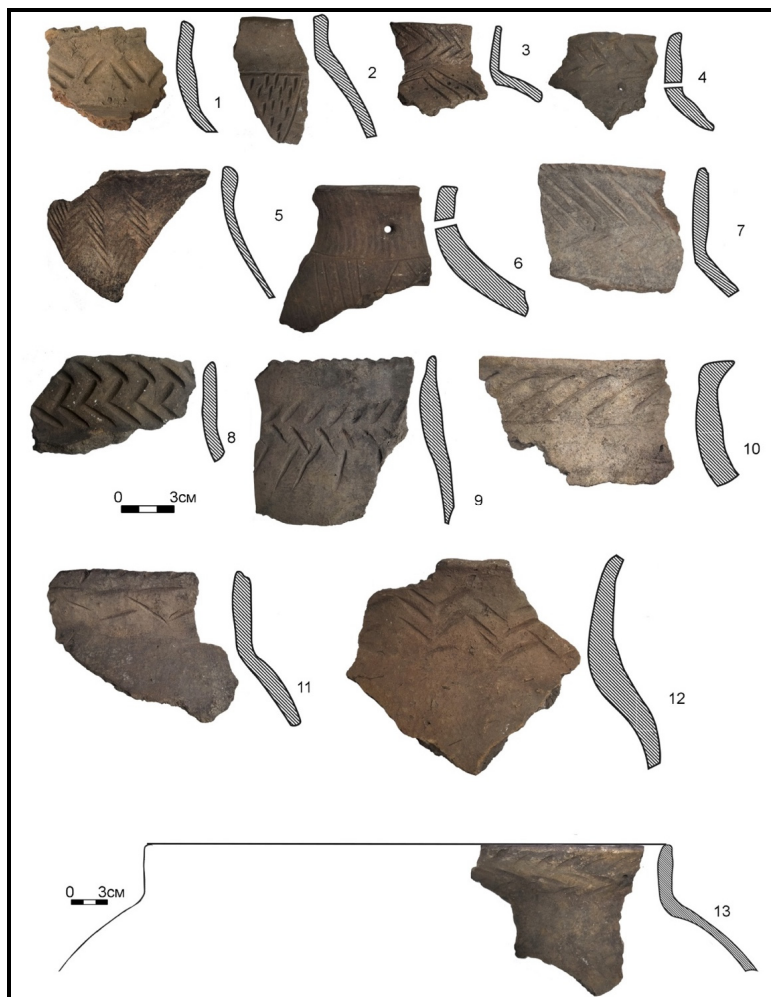

Рис. 1. Керамика из жилища 2 (1), жилища 3 (5, 6, 8), жилища 5 (2, 4, 13) жилища 6 (3, 9, 11), жилища 7 (12), жилища 8 (7, 10).

Fig. 1. Ceramics from dwelling 2 (1) dwelling 3 (5, 6, 8), dwelling 5 (2, 4, 13), dwelling 6 (3, 9, 11), dwelling 7 (12), dwelling 8 (7, 10).

Плечо сохранилось у 55 экз. (22,2 %), из которых декорировано 45 экз. Доминирующая техника орнамента — резная (60 %), реже встречаются прочерченная (10,9 %) и гладкий штамп (9,1 %), в единичных случаях фиксируются защипы (1,8 %). Резной орнамент представлен в основном фестонами (45,2 %), горизонтальной елочкой (19 %), однонаправленными наклонными линиями (9,5 %), горизонтальным зигзагом из сдвоенных (строенных) наклонных линий (7,1 %), а также вертикальной елочкой (2,4 %) и простым горизонтальным зигзагом (2,4 %). Встречается пояс из оттисков уголкового штампа (11,9 %) или защипов (2,4 %).

Рис. 2. Керамика из жилища 1 (2, 3), жилища 2 (5), жилища 3 (4), жилища 4 (1), жилища 6 (6).
Fig. 2. Ceramics from dwelling 1 (2, 3), dwelling 2 (5), dwelling 3 (4), dwelling 4 (1), dwelling 6 (6).

Анализ керамического комплекса Рафайловского селища продемонстрировал наличие единых правил в декорировании посуды, в связи с чем для генерализации орнаментальных мотивов нами были выделены схемы с вариантами (рис. 4). Чаще всего сосуды украшались: однонаправленными наклонными линиями (рис. 4, 1), горизонтальным зигзагом (рис. 4, 2а), горизонтальным зигзагом из сдвоенных и строенных линий (рис. 4, 2б, 2в), вертикальными зигзагами (рис. 4, 3), горизонтальной и вертикальной елочкой (рис. 4, 4, 5), фестонами (рис. 4, 6а), горизонтальными прямыми (рис. 4, 7а), поясом защипов (рис. 4, 8а), ногтевых вдавлений (рис. 4, 9а, 9б, 9в) и уголкового штампа (рис. 4, 10). Однако встречаются и комбинации элементов: горизонтальная елочка и фестоны с наколами (рис. 4, 6б), фестоны из коротких вертикальных отрезков, обрамленных прямыми линиями (рис. 4, 6в), короткие вертикальные резные насечки между двумя горизонтальными прямыми линиями (рис. 4, 7б), однонаправленные наклонные резные линии и пояс защипов (рис. 4, 8б).

Дискуссия

В ходе исследования выяснилось, что выборка посуды по раннему периоду недостаточно репрезентативна, поэтому для установления динамики керамической традиции мы привлекли материалы второго и третьего горизонтов. Сравнительный анализ показал морфологическую однородность посуды из разных строительных горизонтов. Хронологические изменения проявились лишь в декоре сосудов. Техника нанесения орнамента по бортику, шейке и переходной зоне остается неизменной, при этом в украшении плеча со временем увеличивается доля резных элементов. В орнаментации шейки на третьем этапе немного увеличена доля вертикальной елочки сравнительно с другими элементами узора, в декоре переходной зоны становится больше защипов, а на плечиках возрастает частота встречаемости горизонтальной елочки.

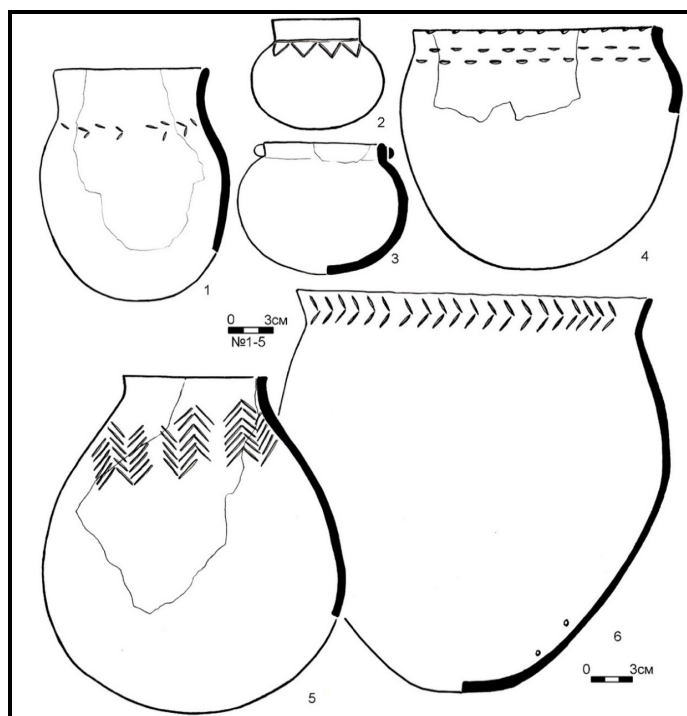

Рис. 3. Керамика из жилища 1 (6), жилища 3 (1, 2, 4, 5), жилища 8 (3).
Fig. 3. Ceramics from dwelling 1 (6), dwelling 3 (1, 2, 4, 5), dwelling 8 (3).

Для выявления локальной специфики посуды Рафайловского селища мы сопоставили ее с керамикой других хорошо изученных поселенческих комплексов саргатской культуры Притоболья. Наиболее полно результаты исследования поселенческой керамики представлены в серии работ по материалам Павлинова городища [Пантелеева, 2007; Корякова и др., 2009]. Для решения поставленной задачи нами были составлены графики со сравнительной характеристикой керамических коллекций Рафайловского селища и Павлинова городища (рис. 5–7). Помимо этого, для сравнения привлекались данные по другим изученным поселенческим комплексам Притоболья: селищам Речкино-1 [Стоянов, Ширяев, 1964], Речкино-2, Верхне-Ингальский Борок-1, Ингалинка-1, Рафайловский Остров [Матвеева, 1993], Дуванское-II [Корякова, Сергеев, 1993], а также городищам Коловское [Матвеева, 1993], Прыговское [Ковригин, Шарапова, 1998] и Дикая Яма [Берлина и др., 2018].

Посуда с Павлинова городища по формообразующим признакам характеризуется преобладанием широкогорлых сосудов приземистых, шаровидных, реже — яйцевидных форм в равной мере со слабо-, средне- и сильновыпуклым туловом. Среди сосудов Рафайловского селища также доминируют широкогорлые сосуды со слабо- и сильновыпуклым туловом яйцевидных и шаровидных форм, однако приземистые горшки для него не характерны. Показатели конфигурации венчика, пропорций горла и тулова, а также средние показатели диаметра, высоты шейки и плеча, толщины стенок в коллекциях Рафайловского селища и Павлинова городища почти идентичны друг другу (рис. 5). В целом следует отметить, что данные признаки присущи подавляющему большинству саргатской посуды из поселенческих памятников Притоболья, таких как Речкино-1 и -2, Верхне-Ингальский Борок-1, Ингалинка-1, Рафайловский Остров, Дуванское-II, городищ Коловское и Дикая Яма [Стоянов, Ширяев, 1964, с. 76–80; Матвеева, 1993, с. 92, табл. 11–12; Корякова, Сергеев, 1993, с. 197–201; Берлина и др., 2018, с. 14–15]. Главное отличие выборки Рафайловского селища и Павлинова городища заключается в формах шейки — на Павлиновом городище превалирует посуда с прямой вертикальной шейкой, в то время как для селища характерны сосуды с дуговидной отогнутой (рис. 5). В этом отношении к посуде Павлинова близка выборка с Прыговского городища, где также доминируют сосуды с прямой шейкой [Ковригин, Шарапова, 1998, с. 49]. При этом материалы других поселений Притоболья — Речкино-1 и -2, Верхне-Ингальский Борок-1, Ингалинка-1, Рафайловский Остров, Дуванское-II, Коловское и Дикая Яма — показывают относительно равное соотношение емкостей с прямыми и дуговидными шейками [Стоянов, Ширяев, 1964, с. 76–80; Матвеева, 1993, с. 92, табл. 11, 12; Корякова, Сергеев, 1993, с. 197–201; Берлина и др., 2018, с. 14–15].

О локальных особенностях поселений саргатской культуры в Притоболье ...

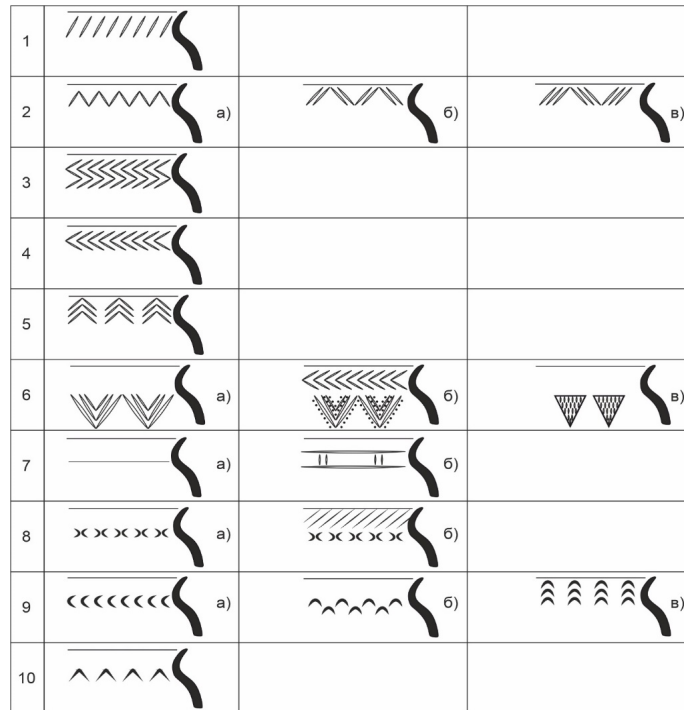

Рис. 4. Орнаментальные схемы посуды Рафайловского селища.
 Fig. 4. Ornamental schemes of the Rafailovo settlement pottery.

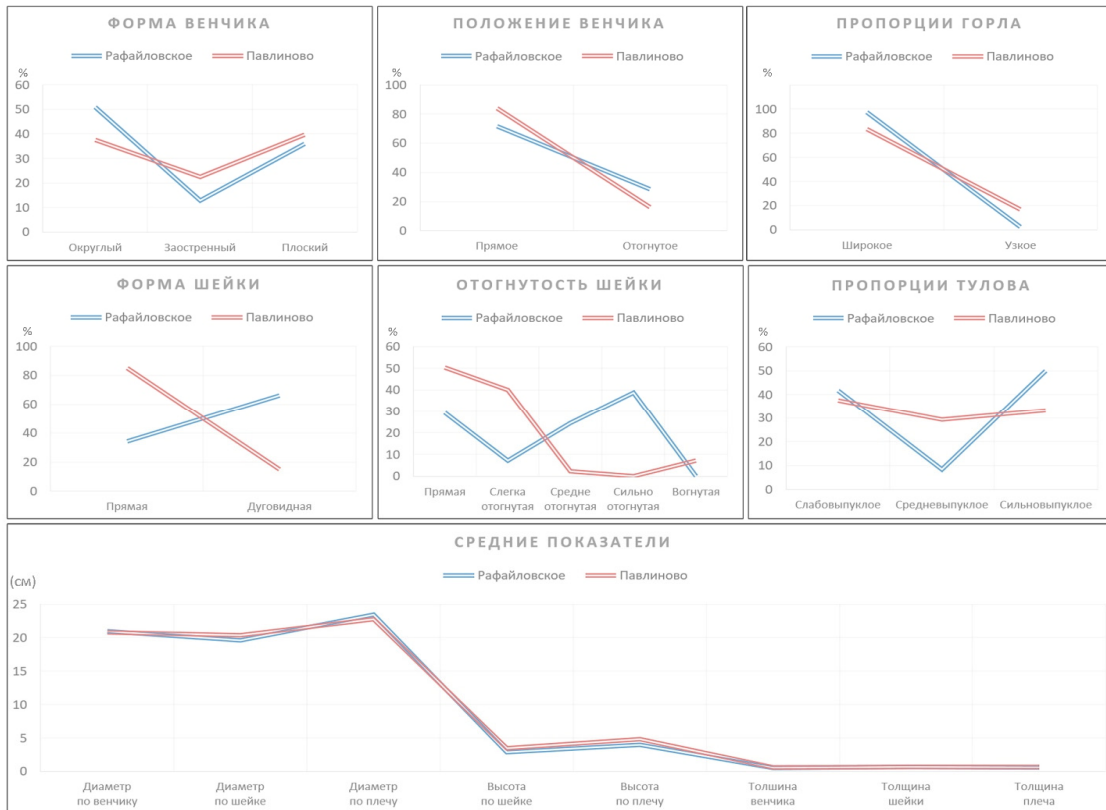

Рис. 5. Сравнение по долям формообразующих признаков сосудов Рафайловского селища и Павлинова городища.
 Fig. 5. Comparison of the shape-forming features of the Rafailovo settlement and the Pavlinovo hillfort vessels.

В выборках с Рафайловского селища и Павлинова городища чаще всего встречаются резные узоры, невелико число сосудов, декорированных в прочерченной технике, гладким штампом и ногтевыми вдавлениями (рис. 6). Эти особенности в целом характерны для керамики саргатской культуры Притоболья [Стоянов, Ширяев, 1964, с. 76–80; Матвеева, 1993, с. 92, табл. 11, 12; Корякова, Сергеев, 1993, с. 197–201; Берлина и др., 2018, с. 14–15], при этом гладким штампом не пользовались гончары селища Речкино-2 и Коловского городища [Матвеева, 1993, с. 92, табл. 11–12], в то время как в орнаментации керамики Прыговского он доминирует [Ковригин, Шарапова, 1998, с. 49]. Следует отметить, что набор технических приемов в выборке Павлинова городища включает наколы, ямки и гребенчатый штамп, не присущие саргатской посуде с Рафайловского селища (рис. 6). Эти же технические приемы фиксируются и на посуде с других поселений Притоболья [Стоянов, Ширяев, 1964, с. 76–80; Матвеева, 1993, с. 92, табл. 11, 12; Корякова, Сергеев, 1993, с. 197–201; Ковригин, Шарапова, 1998, с. 49; Берлина и др., 2018, с. 14–15]. Керамический комплекс Рафайловского селища, в свою очередь, отличается значительной долей защипов (рис. 6), что сближает его с посудой Дуванского-II селища [Корякова, Сергеев, 1993, с. 197–201]. Небольшая их доля также зафиксирована на керамике с поселений Верхне-Ингальский Борок-1, Рафайловский Остров и Коловского городища [Матвеева, 1993, с. 92, табл. 11, 12].

Рис. 6. Частота встречаемости технических приемов орнаментации по зонам сосудов Рафайловского селища и Павлинова городища:

I — резная техника; II — прочерченная; III — гладкий штамп; IV — ногтевые вдавления; V — защипы; VI — наколы; VII — ямки; VIII — гребенчатый штамп.

Fig. 6. Frequency of occurrence of the ornamentation techniques in the ornamentation zones of the Raifailovo settlement and Pavlinovo hillfort vessels.

Ведущими элементами узора в рафайловской коллекции являются однонаправленные наклонные отрезки, горизонтальная и вертикальная елочка, а также пояс защипов. Реже встречаются фестоны, горизонтальный зигзаг из сдвоенных или строенных линий и вертикальный зигзаг. Нечасто фиксируются оттиски уголкового штампа и прямые горизонтальные линии. Для Павлинова городища также характерно доминирование в декоре однонаправленных наклонных отрезков, горизонтальной елочки и вертикального зигзага. Чаще, чем на Рафайловском селище, отмечаются узоры из уголкового штампа и прямых горизонтальных линий, а также больше представлены узоры из наколов, галочек, крестов, ямок, столбцов горизонтальных или наклонных линий и разнонаклонных насечек. Реже, чем в рафайловской выборке, фиксируются вертикальная елочка и фестоны. В обеих выборках примерно равная малая доля ногтевых вдавлений (рис. 7). Однонаправленные наклонные или прямые отрезки и горизонтальный зигзаг являются ведущими элементами узора в коллекциях селищ Речкино-2, Верхне-Ингальский Борок-1, Ингалинка-1, Рафайловский Остров, Дуванское-II и Коловского городища. Горизонтальная и

О локальных особенностях поселений саргатской культуры в Притоболье ...

вертикальная елочка, вертикальный зигзаг и фестоны, характерные для коллекций Рафайловского селища, Павлинова городища и поселения Дуван-II, встречаются на этих памятниках реже [Матвеева, 1993, с. 92, табл. 11, 12; Корякова, Сергеев, 1993, с. 201, рис. 9]. Достаточно широко горизонтальная елочка представлена в декоре керамики с городища Дикая Яма, в то время как распространенный в других комплексах горизонтальный и вертикальный зигзаг здесь встречается реже [Берлина и др., 2018, с. 15]. Посуда с Прыговского городища характеризуется доминирующим орнаментом из одного или нескольких рядов горизонтального зигзага, а также вертикальной и горизонтальной елочкой [Ковригин, Шарапова, 1998, с. 49].

Рис. 7. Частота встречаемости элементов узора по зонам сосудов Рафайловского селища и Павлинова городища:

- 1 — однонаправленные наклонные или прямые отрезки; 2 — елочка горизонтальная; 3 — елочка вертикальная; 4 — зигзаг горизонтальный; 5 — зигзаг вертикальный; 6 — зигзаг горизонтальный из сдвоенных или строенных наклонных линий; 7 — прямая горизонтальная линия; 8 — фестоны; 9 — уголковый штамп; 10 — защипы; 11 — ногтевые вдавления; 12 — кресты; 13 — наколы; 14 — разнонаклонные насечки; 15 — ямки; 16 — галочки; 17 — столбцы горизонтальных или наклонных линий.

Fig. 7. Frequency of occurrence of the pattern elements in the zones of the Rafailovo settlement and the Pavlinovo hillfort vessels.

Таким образом, посуда оказалась унифицированной по формам и размерам не только в пределах одного поселения, но и на общем фоне исследованных поселенческих комплексов Притоболья, что может являться показателем наличия стереотипов в технологии гончарства в локальном районе распространения культуры. Ранее наличие устойчивого производства и определенных стандартов, выраженных в способах конструирования и единстве форм на протяжении всего периода бытования саргатской культуры, было установлено Л.Н. Кобелевой для гончарства саргатской культуры [Кобелева, 2009а, с. 114]. Для поселенческой посуды Прииртышья и Барабы она определила доминирование широкогорлых сосудов средних пропорций, с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком и приплюснутым или вытянутым туловом [Там же, с. 77], что присуще и посуде Притоболья.

Можем подтвердить вывод Л.С. Кобелевой, что особенностью гончарной продукции Притоболья является малая доля плоскодонных емкостей, глиняных блюд, использование традиционных мотивов в вертикальной развертке [Кобелева, 2009b, с. 24]. В тесте керамики западного района присутствуют отдельные блестящие тальки, добавление которых избавляло изделие от растрескивания при сушке, что, судя по всему, было заимствовано от населения гороховской культуры. Площадка Рафайловского селища использовалась группами населения частично синхронных гороховской, саргатской и кашинской культур. По планиграфии, стратиграфии и распределению находок было установлено, что Рафайловский курган с саргатскими захоронениями IV в. до н.э. перекрывает жилища гороховской культуры V в. до н.э., одно из которых до

возведения погребального сооружения было перестроено саргатскими насельниками [Матвеева, 2018, с. 30–32]. Данный вывод свидетельствует о предшествовании гороховских коллективов саргатским на поселении. В связи с этим наличие небольшой примеси талька в виде крупных фракций в посуде саргатской культуры на всех этапах обитания на поселении может быть обусловлено использованием шамота из черепков сосудов, оставленных гороховским населением. При этом видим проявления тесных контактов представителей двух культур во время функционирования поселка, о чем говорят совместное залегание разнокультурной керамики в отдельных постройках. Более того, яркие свидетельства следов торговой деятельности в виде импорта, включая изделия из металлургически чистой меди [Матвеева, 1997, с. 64–66], могут объяснять проживание представителей гороховской культуры на поселении как участников обмена, обеспечивавших распространение в Притоболье изделий и сырья из металлургических центров Урала.

Считаем, что «бордюрные» композиции, состоящие из горизонтальных линий с заключенными между ними различными мотивами, и вариации горизонтального зигзага в области шейки были восприняты саргатскими мастерами у западных соседей, но делались в резной технике (рис. 4, 7б), поскольку на посуде кашинской культуры они выполнены оттисками гребенчатого штампа и шнуром. Такие же наблюдения сделаны по коллекциям других поселений, на которых происходило длительное взаимодействие кашинской и саргатской традиций [Пантелеева, 2007, с. 90].

Совместное залегание кашинской и саргатской керамики на селище и в Рафайловском кургане свидетельствует о начале взаимодействия представителей двух культур в конце IV в. до н.э. [Матвеева, 2018, с. 30–32; Юдакова, 2018, с. 145]. На Рафайловском городище крупноформенная керамика кашинской культуры связана преимущественно с поздними эпизодами эксплуатации оборонительных сооружений [Матвеева и др., 2005, с. 82, 86], на Павлинове — с концом I тыс. до н.э. [Пантелеева, 2007, с. 90], а в Абатском-3 могильнике погребения кашинской культуры, находившиеся во рву саргатского кургана, трактуются как свидетельство зависимости положения от саргатского населения на позднем этапе взаимодействия [Матвеева, 1994, с. 136]. Учитывая использование Рафайловского городища и селища саргатским населением с некоторыми перерывами, территориальную и культурную близость к несколько более позднему крупному центру саргатской культуры — Павлинову городищу, в котором кашинская керамическая традиция представлена достаточно слабо [Корякова, 2009, с. 128], можно с большой долей допущения предположить переселение части рафайловских насельников в результате обострившихся отношений с представителями кашинской культуры на запад. Проникновение саргатских керамической и архитектурной традиций на запад, на Волгу и даже в Паннонию, хотя пока в единичных случаях, зафиксировано [Матвеева, 2018].

Заключение

Сравнительный анализ керамики Рафайловского селища с поселенческой керамикой саргатской культуры Притоболья позволил выявить локальную специфику посуды и особенности динамики культурных связей на этой территории. В наборе форм, технических приемов и орнаментах керамики Притоболья наблюдается следование общему саргатскому стандарту, однако удалось проследить и некоторые особенности. В формах — это низкая доля приземистых и плоскодонных сосудов, отсутствие глиняных блюд. Если в комплексах восточного ареала на раннем этапе в орнаментации сосудов фиксируются чуждые другим районам «жемчужины» [Полосьмак, 1987], вероятно восходящие к поздней ирменской традиции, а в поздних памятниках увеличивается доля сосудов с ямочными и накольчатыми узорами [Корякова, 1988, с. 113; Кобелева, 2009а, с. 113], возможно, богочановского происхождения, то в орнаментации посуды притобольских коллективов накольчатые узоры встречаются реже, зато присутствуют вертикальная елочка, вертикальные зигзаги и бордюры, что можно объяснить самостоятельной тенденцией развития декора на западе ареала и ее несколько более поздним временем. Ведущей техникой на этой территории является резная с преобладанием устойчивых элементов саргатской орнаментики: поясов наклонных линий, горизонтальной и вертикальной елочки, вертикальных зигзагов, высока доля зацепов и разнообразных нарядных фестонов. Существенным представляется объем заимствований гончарами у западных и северных соседей. Ко всему прочему, стоит отметить, что у притобольского населения северной лесостепи зафиксированы более обустроенные для оседлости дома, а также более сложная погребальная и оборонительная архитектура, что может говорить об иной этнической среде и отличиях образа жизни [Корякова, 1988, с. 145; Матвеева, 1993а, с. 160; 1993b, с. 118; 2000, с. 56].

Дальнейшее сравнение опорных памятников саргатской культуры между собой следует проводить с учетом микрохронологии могильников и поселений, что позволит уточнить характер и динамику взаимодействия разнокультурного населения раннего железного века в пределах как одного поселения, так и отдельных районов саргатского ареала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берлина С.В., Цембалюк С.И., Новиков И.К.* Городище Дикая Яма на среднем Тоболе // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 2 (22). С. 7–20. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2018\)2\(22\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2018)2(22).-01)
- Борисов В.А., Матвеева Н.П., Чикунова И.Ю.* Опыт изучения технологических особенностей и функционального назначения посуды саргатского населения Рафайловского археологического комплекса // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. № 4. С. 193–202.
- Ковригин А.А., Шаралова С.В.* Культурно-хронологические комплексы Прыговского городища // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск: Изд-во ОмГУ, 1998. С. 47–53.
- Корякова Л.Н.* Ансамбль некрополя саргатской культуры (статическая характеристика) // Вопросы археологии Урала. 1977. Вып. 14. С. 134–151.
- Корякова Л.Н.* Принципы классификации саргатской керамики // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1983. С. 140–141.
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.
- Корякова Л.Н.* (отв. ред.). Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса). Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.
- Корякова Л.Н., Сергеев А.С.* Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры: (Опыт палеоэкономического анализа селища Дуванское 2) // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: ИИА УрО РАН, 1989. С. 165–177.
- Корякова Л.Н., Сергеев А.С.* Селище раннего железного века Дуванское II // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 182–206.
- Матвеева Н.П.* Рафайловское городище — памятник саргатской культуры Среднего Притоболья // РА. 1993а. № 1. С. 148–163.
- Матвеева Н.П.* Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993b. 175 с.
- Матвеева Н.П.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
- Матвеева Н.П.* О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // РА. 1997. № 2. С. 63–77.
- Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.
- Матвеева Н.П.* О миграциях из Западной Сибири в Европу в раннем железном веке и в эпоху Великого переселения народов // Археология евразийских степей. 2018. № 6. С. 150–156.
- Матвеева Н.П.* Курганы-пирамиды раннего железного века в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47. № 1. С. 73–82. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2019.47.1.073-082>
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю.* Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). Новосибирск: СО РАН, 2005. 228 с.
- Могильников В.А.* К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 66–86.
- Могильников В.А.* Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 274–311.
- Пантелеева С.Е.* Комплекс саргатской керамики Павлинова городища (опыт анализа морфологии и орнаментации) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1 (29). С. 81–92. <https://doi.org/10.1134/S1563011007010082>
- Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.
- Стоянов В.Е.* Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 238–254.
- Стоянов В.Б., Ширяев А.Г.* Селище Речкино-1 // ВАУ. 1964. Вып. 6. С. 72–86.
- Чикунова И.Ю.* О характере жилищ Рафайловского селища (по керамическому комплексу) // Экология древних и современных обществ: Тезисы докладов. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. С. 112–114.
- Чикунова И.Ю.* Типы саргатской посуды Рафайловского селища // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 2. С. 44–49.
- Чикунова И.Ю.* Итоги и проблемы изучения кашинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 82–91.
- Шаралова С.В.* Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья: (Опыт статистического анализа): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.
- Шаралова С.В.* Традиции изготовления керамики и орнаментальные стили населения Зауралья в раннем железном веке // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4. С. 123–134.

Юдакова В.С. Распределение керамики кашинского типа по материалам изучения Рафайловского городища // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: Проблемы, гипотезы, факты. Омск: Изд-во ОмГУ, 2018. С. 144–145.

Юдакова В.С. Формирование кашинской гончарной традиции в Среднем Притоболье // Материалы LIX Рос. археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. Благовещенск; Хэйхэ: Благовещ. пед. ун-т, 2019. С. 153–155.

ИСТОЧНИКИ

Кобелева Л.С. Технология изготовления керамики саргатской культуры (восточный ареал): Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009а.

Кобелева Л.С. Технология изготовления керамики саргатской культуры (восточный ареал): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009б. 26 с.

Шаралова С.В. Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья: (Опыт статистического анализа): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

Prokonova M.M. *, Matveeva N.P.

University of Tyumen, Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation

E-mail: m.m.prokonova@utmn.ru (Prokonova M.M.); nataliamatveeva1703@yandex.ru (Matveeva N.P.)

On the local features of the Sargatka Culture settlements in the Tobol River basin (based on pottery complex of the Rafailovo settlement)

The article is concerned with the problem of determination of local variants of the Early Iron Age Sargatka Culture in Western Siberian forest-steppe. The paper discusses the local differences between the Sargatka Culture sites based on the ceramic complexes. Pottery from the Rafailovo settlement was statistically analyzed taking into account the distribution of the items on building horizons and dated structures. This data was compared with collections of other settlements of the Tobol River basin, including the Pavlinovo hillfort. It has been determined that, in the set of forms, techniques and ornaments, the Sargatka Culture pottery of the Tobol region is consistent with the overall Sargatka standard. Chronological changes were traced only in the technique and motives of decoration. Some local features of the pottery have also been established. In the shapes, it is a small proportion of low and flat-bottomed vessels, and the absence of clay dishes. The carved ornamentation was the primary technique in the Tobol region. The continuous elements of Sargatka ornamentation prevailed: rows of inclined lines, horizontal and vertical herringbone pattern, vertical zigzags, pinches and a variety of festoons. The ware of the eastern area features carved ornamentation; in particular, the ornamentation of the early complexes is characterized by vessels with “pearls”, alien to other areas, probably dating back to the late Irmene tradition, and the later sites demonstrate an increasing proportion of vessels with dimpled and pricked patterns, possibly originating from the Bogochanovo Culture. However, pricked patterns are rare in the ornamentation of pottery of the Tobol region groups, while vertical herringbone, vertical zigzags and borders are common, which can be explained by the independent tendency of decoration in the west of the area at a later time. Significant appears the volume of adoptions by potters of the Tobol region from the western and northern neighbors. For the Tobol population, the houses appear to be more adapted for the settled lifestyle, and the funerary and defensive architecture is more complex, which may indicate a different ethnic environment and different lifeways. Further comparison of the well-studied sites of the Sargatka Culture should be carried out considering the micro-chronology of burial grounds and settlements, which will allow clarifying the nature and dynamics of interaction between the multicultural population of the Early Iron Age, both within single settlement and with various areas of the Sargatka Culture area.

Keywords: Western Siberia, Tobol basin, Early Iron Age, Sargatka Culture, local features, pottery.

REFERENCES

Berlina, S.V., Tsembalyuk, S.I., Novikov, I.K. (2018). The Dikaya Yama hillfort on the middle Tobol. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 22(2), 7–20. (Rus.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2018\)2\(22\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2018)2(22).-01)

Borisov, V.A., Matveyeva, N.P., Chikunova, I.YU. (2004). Experience of studying technological properties and functional purpose with respect to pottery of the Sargatka population of the Rafajlovo archaeological complex. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 193–202. (Rus.).

Chikunova, I.Yu. (1999). On the nature of the dwellings of the Rafailovsky settlement (based on the ceramic complex). In: *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv*. Tyumen': IPOS SO RAN, 112–114. (Rus.).

Chikunova, I.Yu. (2001). Types of Sargatka pottery of the Rafailovo settlement. In: *Problemy vzaimodeystviya cheloveka i prirodnoy sredy. Vyp. 2*. Tyumen': IPOS SO RAN, 44–49. (Rus.).

Chikunova, I.Yu. (2006). Results and problems of studying the Kashin culture. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (6), 82–91. (Rus.).

Koriakova, L.N. (1983). Principles of classification of the Sargatka ceramics. In: R. Vasilevsky (Ed.). *Ispol'zovaniye metodov yestestvennykh i tochnykh nauk pri izuchenii drevney istorii Zapadnoy Sibiri*. Barnaul: AltGU, 140–141. (Rus.).

* Corresponding author.

- Koriakova, L.N. (1988). *Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia: Sargatka culture*. Sverdlovsk: UrGU. (Rus.).
- Koriakova, L.N. (1997). Ensemble of the necropolis of the Sargatka culture (static characteristic). *Voprosy arkheologii Urala*, (14), 134–151. (Rus.).
- Koryakova, L.N. (Ed.) (2009). *Environment, culture and society of the forest-steppe Trans-Urals in the second half of the first millennium BC (based on the materials of the Pavlinovsky archaeological complex)*. Yekaterinburg; Surgut: Magellan. (Rus.).
- Koriakova, L.N. Sergeev, A.S. (1993). Duvan II settlement of the Early Iron Age. In: V. Matyushchenko (Ed.). *Pamyatniki drevney kul'tury Urala i Zapadnoy Sibiri*. Ekaterinburg: Nauka, 182–206. (Rus.).
- Koriakova, L.N. Sergeev, A.S. (1989). Some issues of economic activity of the Sargatka culture communities (an experience of paleoeconomic analysis of the Duvan II Settlement). In: V. Viktorova, N. Smirnov (Eds.). *Stanovleniye i razvitiye proizvodnyashchego khozyaystva na Urale*. Sverdlovsk: UrO RAN, 165–177. (Rus.).
- Kovrigin, A.A., Sharapova, S.V. (1998). Cultural and chronological complexes of the Prygovo settlement. In: N. Dovhalyuk (Ed.). *Vzaimodeystviye sargatskikh plemen s vneshnim mirom*. Omsk: OmGU, 47–53. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (1993a). Rafailovo settlement — the site of Sargatka culture in the Tobol basin. *Rossiyskaya arkheologiya*, (1), 148–163. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (1993b). *The Sargatka culture in the Middle Tobol*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (1994). *The Early Iron Age of the Ishim basin region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (1997). Trade Relations between Western Siberia and Central Asia in the Early Iron Age. *Rossiyskaya arkheologiya*, (2), 63–77. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (2018). On the Migrations from Western Siberia to Europe in the Early Iron Age and the Great Migration Period. *Arkheologiya eraziiskikh stepei*, (6), 150–156. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (2019). Early Iron Age pyramidal kurgans in Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 47(1), 73–82. (Rus.). <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2019.47.1.073-082>
- Matveeva, N.P. (2000). *Socio-economic structures of the population of Western Siberia in the Early Iron Age (forest-steppe and sub-taiga zones)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva, N.P., Larina, N.S., Berlina, S.V., Chikunova, I.Yu. (2005). *Comprehensive study of the living conditions of the ancient population in Western Siberia: (Problems of socio-cultural adaptation in the Early Iron Age)*. Novosibirsk: SO RAN. (Rus.).
- Mogil'nikov, V.A. (1972). To the question of the Sargatka culture. In: A. Smirnov, V., Chernetsov, I. Erdeli. *Problemy arkheologii i drevney istorii ugrov*. Moscow: Nauka, 66–86. (Rus.).
- Mogil'nikov, V.A. (1992). The Sargatka culture. In: M.G. Moshkova (Ed.). *Arkheologiya SSSR. Stepnaia polosa Aziatskoi chasti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya*. Moscow: Nauka, 292–311. (Rus.).
- Panteleeva, S.E. (2007). Sargat pottery from Pavlinovo: Morphology and decoration. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, (1), 81–92. (Rus.). <https://doi.org/10.1134/S1563011007010082>
- Polosmak, N.V. (1987). *Baraba in the Early Iron Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Stoyanov, V.Ye. (1970). Classification and periodization of West Siberian forest-steppe monuments of the Early Iron Age. In: V. Matyushchenko (Ed.). *Problemy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 238–253. (Rus.).
- Stoyanov, V.Ye., Shiryayev, A.G. (1964). Rechkino-1 settlement. *Voprosy arkheologii Urala*, (6), 72–86. (Rus.).
- Sharapova, S.V. (2004). Traditions of ceramics manufacturing and ornamental styles of the Trans-Urals population in the Early Iron Age. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, (4), 123–134. (Rus.).
- Yudakova, V.S. (2018). Distribution of pottery of the Kashino type according to the materials of the study of the Rafailovo settlement. In: M. Berezhnova, I. Tolpeko (Eds.). *Drevniye i traditsionnyye kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka: Problemy, gipotezy, fakty*. Omsk: OmGU, 144–145. (Rus.).
- Yudakova, V.S. (2019). Formation of Kashino pottery tradition in the middle Tobol river region (by materials of the Kashino culture). In: O. Shelomikhin (Ed.). *Materialy LIX Rossiyskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchonykh*. Blagoveshchensk; Heihe: Blagoveshchenskiy pedagogicheskii universitet, 153–155. (Rus.).

Проконова М.М., <https://orcid.org/0000-0003-2008-4814>

Матвеева Н.П., <https://orcid.org/0000-0003-0240-0561>

Сведения об авторах:

Проконова Мария Михайловна, инженер, Тюменский государственный университет, Тюмень.

Матвеева Наталья Петровна, доктор исторических наук, профессор, зав. лабораторией археологии и этнографии, Тюменский государственный университет, Тюмень.

About the authors:

Prokonova, M.M., Engineer, University of Tyumen, Tyumen.

Matveeva, N.P., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Archaeology and Ethnography, University of Tyumen, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 03.10.2024

Article is published: 15.03.2025